Изъ исторіи творчества Гоголя.

№131, 189[illegible] 13 мая. Рус. Вѣдом.

Статья первая.

Недавно отпечатанные дополнительные шестой и седьмой томы десятаго изданія сочиненій Гоголя даютъ важный литературный матеріалъ, который интересенъ и самъ по себѣ, и особенно тѣмъ, что онъ предоставляетъ читателю возможность судить о ходѣ литературныхъ работъ Гоголя, знакомитъ насъ съ важнѣйшими стадіями въ созданіи трехъ его главныхъ произведеній: «Женитьбы», «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ». Если и раньше, благодаря изслѣдованіямъ Н. С. Тихонравова, мы были знакомы съ манерой Гоголя работать, были знакомы въ общихъ чертахъ и съ исторіей текста его главныхъ твореній, то теперь, когда въ новыхъ томахъ появились различныя редакціи первоначальныхъ текстовъ, для читателя открывается возможность самому ближе всмотрѣться въ вопросъ, получить о немъ болѣе живое представленіе, самому войти въ его характерныя подробности. Покойный Тихонравовъ, предполагая издать эти дополнительные томы, откладывалъ до нихъ и болѣе подробное изслѣдованіе по исторіи выработки текста двухъ комедій и поэмы Гоголя. Дополнительные томы, подготовленные имъ, выходятъ уже послѣ смерти ученаго издателя, но неоконченная работа дополняется обширными примѣчаніями, составленными новымъ редакторомъ изданія, В. И. Шенрокомъ. Въ предлагаемой статьѣ я воспользуюсь тѣмъ обширнымъ матеріаломъ, какой даютъ теперь всѣ семь томовъ Гоголя и его переписка для того, чтобы вкратцѣ познакомить читателя съ наиболѣе характернымъ въ исторіи созданія его главнѣйшихъ произведеній.

По замѣчанію Тихонравова, ни одно изъ сочиненій Гоголя, за исключеніемъ второй части «Мертвыхъ Душъ», не подвергалось такой передѣлкѣ, какъ «Женитьба». Начатая въ 1833 г., комедія эта была окончательно отдѣлана только для изданія сочиненій 1842 г., и за этотъ продолжительный срокъ пьеса была совершенно переработана: измѣнены мѣсто и среда, гдѣ происходитъ дѣйствіе, введены новыя лица, которыя сдѣлались главными героями измѣнившейся въ самомъ замыслѣ комедіи.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Гоголь вошелъ въ довольно близкія отношенія съ театральнымъ міромъ. Его пріятель Прокоповичъ, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ, сильно интересовался сценой и вскорѣ затѣмъ даже поступилъ въ театральное училище; у него были связи среди актеровъ, онъ собирался жениться на одной актрисѣ. Онъ-то и ввелъ Гоголя въ театральную среду, познакомилъ его между прочимъ съ Сосницкимъ. Когда въ 1832 г. Гоголь проѣздомъ въ Малороссію былъ въ Москвѣ, онъ познакомился съ С. Т. Аксаковымъ, съ Щепкинымъ, съ Загоскинымъ. Въ воспоминаніяхъ Аксакова записанъ очень интересный разговоръ его съ Гоголемъ въ это время о русской сценѣ. По словамъ С. Т., «Гоголь хвалилъ веселость Загоскина, но сказалъ, что онъ не то пишетъ, особенно для театра». На это Аксаковъ замѣтилъ, «что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что

. . . . . . даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, „свѣтъ пустой“.

Тутъ Гоголь посмотрѣлъ на Аксакова «какъ-то значительно» и возразилъ, «что это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди его, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы уже сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его». Въ головѣ Гоголя въ это время уже крѣпко держалась мысль написать комедію.

Ко второй половинѣ 1832 г. относятся записи въ тетрадяхъ Гоголя, имѣющія отношеніе къ занимавшей его мысли о комедіи. Онъ занесъ въ свою тетрадь «Матеріалы общіе» и «Матеріалы частные» для комедіи: здѣсь дѣло идетъ о комическомъ сюжетѣ и комическихъ положеніяхъ, занесены отдѣльныя выраженія и разговоры. Въ концѣ года онъ уже приступилъ къ сочиненію комедіи. Плетневъ писалъ въ это время Жуковскому: «У Гоголя вертится на умѣ комедія. Не знаю, разродится ли онъ ею нынѣшнею зимою; но я ожидаю въ этомъ родѣ отъ него необыкновеннаго совершенства». Гоголь переживалъ въ это время существенное измѣненіе въ своемъ литературномъ настроеніи. Онъ сталъ отрицательно относиться къ своимъ первымъ произведеніямъ, къ имѣвшимъ такой успѣхъ «Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки». На запросъ Погодина о новомъ изданіи этой книжки Гоголь писалъ 1-го февраля 1833 г.: «Вы спрашиваете объ «Вечерахъ» Диканьскихъ. Чортъ съ ними! Я не издаю ихъ... даже позабылъ, что я творецъ этихъ «Вечеровъ», и вы только напомнили мнѣ объ этомъ... Да обрекутся они неизвѣстности, покамѣстъ что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня. Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великаго не выдумывается». Но уже въ письмѣ отъ 20-го февраля Гоголь подробнѣе выдаетъ свои замыслы. Онъ жалуется, что его работы по исторіи совершенно не клеятся, валятся изъ рукъ: «не могу, не въ силахъ. Чортъ побери, пока, трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другаго, спокойнѣйшаго времени. Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду *современной славы*. Вся глубина души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего». Гоголь продолжаетъ еще объяснять свое настроеніе: «Я не писалъ тебѣ: *я помѣшался на комедіи*. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей; но до сихъ поръ я ничего не написалъ». Это усиленное повтореніе одного и того же увѣренія, что пока ровно ничего не написано, заставляетъ насъ думать какъ-разъ обратное: въ это время Гоголь долженъ былъ уже накидать немало набросковъ задуманной комедіи. Если онъ отрицалъ это упорно, то или потому, что былъ недоволенъ написаннымъ, особенно, быть можетъ, въ данную минуту, когда у него работа не шла дальше, — или же потому, что онъ боялся извѣстной привычки Погодина выпрашивать для печати или хотя бы преждевременно оповѣщать публику о готовящемся произведеніи. Надо помнить, что искренность вовсе не принадлежала къ числу постоянныхъ добродѣтелей Гоголя, и его комментаторамъ и біографамъ очень нерѣдко приходится на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ и соображеній опровергать показанія самого писателя. И дальше въ томъ же письмѣ къ Погодину Гоголь сознается, что онъ собственно уже началъ писать комедію. «Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-й степени», и сколько злости, смѣху, соли! Но вдругъ остановился. — Что изъ того, когда піеса не будетъ играться? Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она — какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на-показъ народу неоконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать *сюжетъ самый невинный, которымъ и квартальный не могъ бы обидѣться*. Но что комедія безъ правды и злости! Итакъ, за комедію не могу приняться. Примусь за исторію — *предо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ* и оскаливаютъ зубы — исторія къ чорту! И вотъ почему я сижу при лѣни мыслей...»

Итакъ, «Владиміръ 3-й степени» встрѣчалъ препятствія въ опасеніяхъ цензурныхъ строгостей, и комедія, въ которой Гоголь хотѣлъ излить столько «злости, смѣху, соли», не была кончена или, — какъ съ полнымъ основаніемъ предполагаетъ Тихонравовъ, — была уничтожена авторомъ. Чѣмъ могла быть эта комедія, мы имѣемъ возможность судить по уцѣлѣвшимъ и разрозненнымъ ея отрывкамъ: къ ея тексту относятся «Тяжба», «Утро дѣловаго человѣка», «Отрывокъ» («Собачкинъ»), «Лакейская». Отчаявшись написать комедію, задуманную такъ широко, Гоголь въ 1833 же году обратился къ иному замыслу.

Если еще за годъ передъ тѣмъ онъ увѣрялъ Аксакова, что комизмъ кроется вездѣ и, перенесенный на сцену, можетъ заставить зрителя самого надъ собой валяться со смѣху, и смотрѣлъ при этомъ какъ-то значительно, то и теперь, отказываясь отъ злой комедіи въ широкихъ рамкахъ, Гоголь не отказался отъ мысли вывести комизмъ на сцену, которая такъ владѣла въ это время его воображеніемъ. Ему приходилось «выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже и квартальный не могъ бы обидѣться»... Въ 1833 г. онъ началъ писать комедію «Женихи».

Комедія была задумана въ трехъ дѣйствіяхъ, но неизвѣстно, сколько ея было написано: до насъ изъ ея первоначальнаго очерка дошло только девять явленій перваго дѣйствія. На этой первоначальной редакціи, представляющей много любопытнаго, мы теперь и остановимся.

Дѣйствіе «Жениховъ» происходитъ въ помѣщичьей усадьбѣ, трудно съ точностью сказать — въ какой мѣстности. Усадьба принадлежитъ помѣщицѣ-дѣвицѣ, особѣ зрѣлой, желающей выдти замужъ; такъ какъ теперь уже нѣтъ того, какъ было прежде, что «благовоспитанные люди сами отправляются искать невѣстъ», она посылаетъ сваху на ярмарку пригласить жениховъ: «былъ бы только дворянинъ, да порядочной фамиліи». Дѣйствіе именно и начинается съ того, что невѣста, Авдотья Гавриловна (въ другихъ мѣстахъ она называется Авдотья Андреевна: это постоянное явленіе, что Гоголь долго не устанавливаетъ и путаетъ имена своихъ героевъ), ожидаетъ возвращенія свахи. Сваха Марѳа Ѳоминична (иногда Ѳекла) является изъ своей поѣздки: она жалуется, что очень умаялась отъ дороги, такъ какъ ее дважды разбивали лошади, и ужь она доѣхала на обывательскихъ, которыхъ ей велѣлъ дать засѣдатель. Зато она нашла отличныхъ жениховъ; такіе все аккуратные, какъ орѣхи каленые, всѣ на подборъ, одинъ другаго лучше. Во-первыхъ Дороѳей Балтазаровичъ Жевакинъ, — «на флотѣ служилъ и такой учтивый». Затѣмъ Иванъ Петровичъ Яичница, — такой помѣщикъ, «что и приступу нѣтъ»! Никаноръ Ивановичъ Онучкинъ, — «это ужь деликатесъ». Акинфъ Степановичъ Пантелѣевъ, титулярный совѣтникъ, такой скромный, тихій, хотя и пьетъ, «но не всю-таки недѣлю бываетъ пьянъ: попадается такой день, что совсѣмъ трезвый».

Одинъ за другимъ являются всѣ четверо жениховъ. Первымъ пріѣзжаетъ Яичница, — «дворянинъ, помѣщикъ и юнкеръ въ отставкѣ мушкетерскаго полка». По своему характеру онъ во многомъ похожъ на позднѣйшаго Яичницу «Женитьбы», но только портупей-юнкеръ поглупѣе и менѣе солиденъ, чѣмъ экзекуторъ. До извѣстной степени это — «недоросль изъ дворянъ». Онъ подробно разспрашиваетъ сваху о приданомъ, «крѣпостномъ, движимомъ и рухлядѣ», узнаетъ, сколько рабочихъ мужиковъ, бабъ и дѣтей, сколько скота, птицы, есть ли рыба въ прудахъ, водятся ли пчелы. Сваха ему объясняетъ все подробно, но онъ не вполнѣ ей вѣритъ и грозится ее побить, если чего не окажется. Яичница очень нуждается, повидимому, въ женитьбѣ, потому что сильно боится соперничества другихъ жениховъ. Онъ старается выставить себя передъ невѣстой въ такомъ свѣтѣ, чтобы не показаться хуже остальныхъ. Онъ увѣряетъ Онучкина, что невѣста некрасива, а приданое ея никуда не годится: крестьяне все калѣки; но при этомъ у него постоянно проглядываетъ жадность къ приданому, которое онъ хапнетъ. Онъ всякій разъ, когда Онучкинъ говоритъ, что онъ изъ егерскаго полка, замѣчаетъ, что «иной и мушкетерскій не уступитъ егерскому». Съ Жевакинымъ, который ему показался опаснымъ соперникомъ, онъ затѣваетъ крупную ссору и доводитъ дѣло почти до драки, о чемъ сейчасъ скажу подробнѣе. Онучкинъ въ «Женихахъ» такъ же, какъ Анучкинъ въ «Женитьбѣ», оказывается особеннымъ любителемъ французскаго языка, но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ Онучкинъ большой цѣнитель женской красоты. Онъ объясняетъ Яичницѣ, почему невѣста не можетъ быть названа «хорошей красавицей». «Вотъ, позвольте, я вамъ покажу. Брови должны быть у хорошей красавицы узенькія (*проводитъ пальцемъ по его бровямъ*), дугою, и тутъ между ними немножко, самый небольшой промежутокъ... Это еще не все, впрочемъ...» Онъ, какъ и позднѣйшій Анучкинъ, сторонникъ образованности и деликатности. Онъ толкуетъ о томъ, сколько пріятнаго препровожденія времени съ женою образованною, утонченною, да и мужъ долженъ быть тоже человѣкъ образованный, утонченный. Дороѳей Балтазаровичъ Жевакинъ имѣетъ также очень много общаго съ Балтазаромъ [Балтазаровичемъ Жевакинымъ въ «Женитьбѣ». Онъ тоже морякъ и любитъ разсказывать о своемъ пребываніи въ Сициліи и объ итальяночкахъ; онъ такой же аматеръ по части женской полноты, сразу заявляетъ объ этомъ свахѣ; онъ такъ же увлекается поэтому невѣстой. Онъ для перваго знакомства говоритъ ей: «Сударыня! Я почелъ за долгъ лично засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе. Тѣмъ болѣе для меня пріятно, что вы очень обожаемая особа. Вы имѣете, сударыня, такую свѣжесть румянца, такой розанчикъ... что я, такъ сказать, приношу вамъ мое сердце». И только-что невѣста уходитъ, онъ объясняетъ другимъ женихамъ: «признаюсь, она мнѣ очень нравится. Эдакой розанчикъ, букетецъ на устахъ. Весьма прекрасная и здѣсь на груди эдакъ платочекъ, и обыкновенно такіе дамскіе уборы. Это все очень хорошо, я это люблю». Четвертый женихъ, Акинфъ Степановичъ Пантелѣевъ, въ комедіи «Женитьба» не дѣйствуетъ, о немъ только говоритъ сваха, характеризуя его, какъ мы видѣли, совершенно такъ же, какъ и въ «Женихахъ», но только добавляя къ этому, что онъ заикается. Но въ «Женихахъ» Пантелѣевъ самъ является на сцену и оказывается заикой, хотя тутъ сваха и умолчала объ этомъ его недостаткѣ.

Характеръ невѣсты многимъ отличается въ первоначальномъ наброскѣ отъ окончательной редакціи. Дѣвица помѣщица, давно, повидимому, уже управляющая самостоятельно своимъ имѣніемъ, посылающая искать жениховъ на ярмаркѣ, не можетъ быть такой застѣнчивой особой, какъ купеческая невѣста Агаѳья Тихоновна. Она въ разговорѣ съ женихами показываетъ себя «довольно развязной», какъ характеризуетъ ее Онучкинъ. Комизмъ ея положенія заключается между прочимъ въ томъ, что по мѣрѣ появленія новыхъ и новыхъ жениховъ она бѣгаетъ распоряжаться на кухнѣ насчетъ обѣда, но впрочемъ и здѣсь она не очень стѣсняется и прямо объясняетъ своимъ гостямъ, что она угоститъ ихъ простой ѣдой, такъ какъ не знала, что они будутъ сегодня, и потому не могла заказать чего-нибудь получше.

Ни Подколесина, ни Кочкарева, этихъ главныхъ героевъ «Женитьбы», нѣтъ еще въ первой редакціи комедіи. Сюжетъ и интересъ пьесы по первому ея замыслу вовсе не сосредоточивался на нерѣшительности Подколесина, на быстротѣ дѣйствій его пріятеля и на спасеніи бѣгствомъ героя почти изъ-подъ вѣнца. Героями первоначальной пьесы были всѣ женихи, почему и пьеса такъ называлась, и ея интересъ состоялъ въ столкновеніи между женихами, въ ихъ разговорахъ между собой, въ затруднительномъ положеніи невѣсты, къ которой сразу явилось столько приглашенныхъ ею же жениховъ. Приведу нѣкоторыя сцены, въ которыхъ выразились эти главныя черты пьесы.

Какъ только невѣста выходитъ къ Яичницѣ и Онучкину, первый изъ нихъ начинаетъ объясняться по главному дѣлу. Онъ говоритъ: «Я, сударыня, честь имѣю доложить, есть дворянинъ и помѣщикъ и юнкеръ въ отставкѣ мушкетерскаго полку — Иванъ Петровичъ Яичница. Лично будучи подвинутъ добродѣтелями вашего пола, пріѣхалъ изъявить готовность съ своей стороны». Онучкинъ рекомендуется: «Я, сударыня, Никаноръ Ивановъ Онучкинъ, отставной поручикъ 42-го егерскаго полку». На это Яичница замѣчаетъ: «Впрочемъ, сударыня, что мушкетерскій, что егерскій, это совершенно все равно» — и продолжаетъ: «Вы благое дѣло вздумали, сударыня, что рѣшились упрочить судьбу свою. И подлинно, если разсудить хорошенько, то состояніе дѣвичье есть самое непріятное. Жена безъ мужа — все телѣга безъ колесъ: ѣздить безъ колесъ, какъ вамъ извѣстно, никакъ нельзя. Да и самое положеніе ея притомъ: всякій можетъ обидѣть, всякій можетъ обидѣть». *Онучкинъ*: «Да, совершенно безъ всякой защиты». *Яичница*: «А мужа непремѣнно должно имѣть, это, сударыня, законъ велитъ». Когда Онучкинъ начинаетъ говорить объ образованности, Яичница старается замять это вопросомъ о дородности. *Онучкинъ*: «Мужъ долженъ быть образованный». — «Да, да, образованный и потолще собою». — «Утонченный»... — «Да, утонченный и собою поплотнѣе». — «Который былъ бы любезенъ въ обществѣ и въ пріятномъ обращеніи». — «Да, въ обращеніи и въ обществѣ, и чтобы притомъ имѣлъ солидность и достаточную толщину»...

Когда Яичница видитъ, что Жевакинъ отпускаетъ невѣстѣ любезности, которыя ее могутъ увлечь, онъ прямо наступаетъ на него, затѣваетъ съ нимъ ссору: какъ ему можно жениться съ его гнусной фигурой, которая наводитъ уныніе; да и что такое онъ? морской офицеръ, а всякій морской офицеръ есть старый, трухлый кочанъ капусты, который выбрасывается въ помойную яму. Жевакинъ, задѣтый лично и какъ морякъ, требуетъ дуэли, заявляя, что онъ привыкъ драться на кортикахъ. На это Яичница заявляетъ, что онъ не прочь отъ дуэли, но только не на кортикахъ. На чемъ же? — На кулакахъ. Жевакинъ взываетъ къ посредничеству Онучкина, который объясняетъ: «Я съ своей стороны не могу точно опредѣлить, потому что въ 42-мъ егерскомъ полку, къ несчастью, въ бытность мою мнѣ не удавалось видѣть ни одного дуэла. Но образованность и утонченное обращеніе требуетъ на благородномъ оружіи; на кулаки же неприлично въ высшемъ обществѣ. Человѣкъ, который знаетъ по-французски, уже не пойдетъ на кулаки, нѣтъ». — «Мнѣ дѣла нѣтъ ни до какихъ обществъ. Я давно былъ въ военной-то, и меня выгоняли два раза въ полкъ только во время смотра, да притомъ оружіе, Богъ знаетъ, гдѣ еще искать, а кулаки всегда при себѣ». Споръ разгорается все дальше, Яичница чуть не начинаетъ драться, но ссору прерываетъ появленіе невѣсты. Всѣ женихи обращаются къ ней со своими объясненіями, она всѣмъ говоритъ: «мнѣ очень пріятно отвѣчать вашимъ исканіямъ». Яичница справедливо замѣчаетъ ей: «Вѣдь насъ четыре человѣка, надо объявить, кого лучше любите». — «Вы всѣ мнѣ очень нравитесь, и я васъ всѣхъ люблю». — «Да вѣдь это все не то. Что же, если мы всѣ четыре женимся на васъ? Вѣдь это чортъ знаетъ, что такое выйдетъ!» Но невѣста продолжаетъ стоять на своемъ: «Вы всѣ очень хорошіе молодые люди и мнѣ весьма нравитесь». — «Но кого же вы предпочитаете прочимъ?» На этомъ вопросѣ обрывается дошедшій до насъ отрывокъ «Жениховъ». Трудно сказать, каковъ былъ дальнѣйшій планъ Гоголя и какъ онъ развилъ бы свой сюжетъ на три дѣйствія. Мы даже не знаемъ, сколько было написано изъ «Жениховъ», есть ли до насъ дошедшій отрывокъ лишь часть утраченнаго цѣлаго или это и все, что было написано Гоголемъ, перемѣнившимъ затѣмъ планъ комедіи.

По справедливому замѣчанію В. И. Шенрока, Гоголь, живя въ это время въ Петербургѣ, при дальнѣйшей отдѣлкѣ комедіи естественно долженъ былъ перенести дѣйствіе пьесы изъ деревни въ городъ, въ другую среду; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ввелъ въ комедію новыхъ лицъ — нерѣшительнаго жениха Подколесина и настойчиваго свата Кочкарева, которые и сосредоточили на себѣ интересъ дѣйствія и измѣнили самое названіе пьесы: на первое мѣсто, взамѣнъ жениховъ, выступила неудачная женитьба Подколесина, «совершенно невѣроятное происшествіе». Быть можетъ, характеры и положеніе обоихъ вновь введенныхъ лицъ стояли въ зависимости отъ матеріаловъ, подготовленныхъ для Ивана Ѳедоровича Шпоньки и его тетушки, разсказъ о которыхъ такъ и остался затѣмъ недоконченнымъ.

Первая редакція «Жениховъ» относится къ 1833 г. Въ 1835 г. у Гоголя была уже готова комедія «Женитьба», и онъ въ августѣ этого года читалъ ее въ Москвѣ, у Погодина: пьеса, значитъ, была уже достаточно отдѣлана; но еще далеко было до ея окончательнаго завершенія. Въ концѣ апрѣля 1836 г. Гоголь писалъ Щепкину въ Москву: «Комедію мою, читанную въ Москвѣ, подъ заглавіемъ «Женитьба», я теперь передѣлалъ и переправилъ, и она нѣсколько похожа теперь на что-нибудь путное. Я ее назначаю такимъ образомъ, чтобы она шла вамъ и Сосницкому въ бенефисъ, что, кажется, случается въ одно время года. Стало быть, вы можете адресоваться къ Сосницкому, которому я ее вручу». Щепкинъ, обрадованный такимъ подаркомъ для бенефиса, обратился къ Сосницкому, но тотъ въ концѣ мая писалъ ему: «Женитьбу» ты раньше осени не получишь: Н. В. взялъ ее передѣлывать. Обѣщалъ передѣлать всю, совсѣмъ. Я ему далъ нѣкоторыя смѣшныя идеи объ обычаяхъ купеческихъ невѣстъ. Онъ беретъ комедію съ собою и мѣсяца черезъ два ее вышлетъ». Такимъ образомъ дѣло опять затягивалось.

До насъ дошла первоначальная редакція «Женитьбы», содержащая въ себѣ уже всѣ основныя черты, характеризующія окончательную редакцію пьесы и отличающія ее отъ прежнихъ «Жениховъ». Надо, однако, думать, что это не самый первый текстъ комедіи. Онъ далеко не отдѣланъ и не можетъ представлять собою ту редакцію, которую читалъ Гоголь въ Москвѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ не отдѣланномъ текстѣ содержится ссылка на Сосницкаго и Щепкина, въ 18-мъ явленіи перваго дѣйствія: «(Подаютъ гостямъ по рюмкѣ вина. Ѳекла подноситъ). Здѣсь Кочкаревъ со свахой пикируются острыми словами. *Какимъ образомъ пикируются, ужъ не помню; объ этомъ слѣдуетъ узнать у Щепкина и Сосницкаго*, — такъ, какъ и объ обрядахъ, какіе при этомъ употребляются у купцовъ. Они могутъ объ этомъ пожалуй посовѣтоваться *съ Погодинымъ*, знающимъ этотъ бытъ, и *пополнить* такимъ образомъ эту сцену».

Въ этой редакціи дѣйствіе пьесы происходитъ уже въ Петербургѣ, невѣста — купеческая дѣвица Агаѳья Тихоновна (иногда Прасковья), всѣ дѣйствующія лица тѣ же, что и въ окончательной редакціи «Женитьбы», сюжетъ уже развитъ въ томъ же направленіи. Подколесинъ и Кочкаревъ занимаютъ уже свое мѣсто, и все дѣло идетъ, въ общемъ, какъ и въ окончательной редакціи. Отмѣчу нѣкоторыя особенности того текста, о которомъ здѣсь рѣчь.

Прежній отставной юнкеръ Яичница обратился здѣсь въ экзекутора казенной палаты Ивана Павловича (иногда Павелъ Ивановичъ, Герасимъ Петровичъ) по фамиліи *Горшокъ*. Когда сваха называетъ эту фамилію, невѣста восклицаетъ: «Ахъ, Боже мой! Послушай, Ѳеклуша: какъ же я буду называться, если, напримѣръ, выйду за него замужъ? Агаѳья Тихоновна Горшокъ? Богъ знаетъ, что такое!» Въ окончательной редакціи пьесы Гоголь вернулъ экзекутору прежнюю фамилію Яичница и вложилъ ему въ уста извѣстную фразу: «Я хотѣлъ было уже просить генерала, чтобы позволилъ называться мнѣ Яичницынъ, да свои отговорили; говорятъ: «будетъ похоже на собачій сынъ».

Свой разговоръ съ невѣстой Горшокъ начинаетъ такъ же, какъ и Яичница окончательной редакціи: онъ говоритъ объ объявленіи о поставкѣ дровъ, но за отрицательнымъ объясненіемъ со стороны невѣсты (а не тетки ея) слѣдуютъ еще слова Горшка: «Я такъ, признаюсь, и думалъ, что у васъ лѣсу нѣтъ и что это не вы сдѣлали объ этомъ вызовъ, и пришелъ именно съ тѣмъ только, чтобы въ этомъ удостовѣриться». Горшокъ въ началѣ втораго дѣйствія является прямо съ осмотра владѣній невѣсты и говоритъ: «Одинъ флигель меня очень безпокоитъ: совсѣмъ плохъ, и дворъ слишкомъ тѣсенъ; боюсь даже, чтобы эта часть, гдѣ свинушникъ и маленькій сарайчикъ, совсѣмъ не отошла». Тутъ же на вопросъ его, обращенный къ Кочкареву, не дура ли невѣста, и замѣчаніе, что, вѣроятно, ее съизмала загоняли, Кочкаревъ отвѣчаетъ: «И я вамъ скажу, что вы даже угадали. Вообразите: дѣвушка молодая, ну, ничего еще не знаетъ, сложенія слабаго — и вдругъ, кто ни есть въ семьѣ, — всѣ бьютъ, кто чѣмъ попало: тотъ стуломъ, тотъ рукомойникомъ, тотъ башмакомъ, — ну, и сдѣлали изъ нея дуру». — «Такъ вы знаете ее съизмала?» — «Еще бы, вмѣстѣ мальчишками были. Я самъ, признаюсь, былъ виноватъ: иной разъ вижу, что другіе колотятъ, ну, я себѣ тоже — иной разъ пинкомъ или хлыстомъ». — «Такъ вы, можетъ быть, знаете и насчетъ ея состоянія? Я, признаться вамъ, въ разсужденіи этой статьи очень безпокоюсь. По мнѣ, будь она глупа, какъ себѣ хочь, — это въ семьѣ ничего, — но если при ней капитальной живности немного, то нечего и рукъ марать»...

Въ этой редакціи, недоконченной и дошедшей до насъ не въ полномъ видѣ, нѣтъ объясненія Кочкарева съ невѣстой и его наставленій ей о томъ, какъ отдѣлаться отъ жениховъ; мы такъ и не знаемъ, какимъ образомъ удалились женихи, подѣйствовали ли на нихъ одни разсказы Кочкарева или было объясненіе съ ними невѣсты. Во всякомъ случаѣ по замыслу пьесы удаленіе жениховъ было и въ этой редакціи уже дѣломъ Кочкарева, который въ концѣ перваго дѣйствія обѣщаетъ Подколесину отвадить всѣхъ жениховъ и, оставшись одинъ, говоритъ про себя: «Жениховъ-то и всѣхъ отгоню. Это мнѣ ни-по-чемъ: я ужь не знаю, какъ-то такъ родился. Дарованій бездна: иной разъ начнешь говорить — Цицеронъ такой слетаетъ съ языка, что просто поразитъ хоть кого. Пыли подпустить и прилгнуть — это мое дѣло. Вѣдь нужно прибавить, что и учился я на мѣдныя деньги: только катехизисъ, да первую часть ариѳметики, да еще учили тогда книгу «О должностяхъ человѣка и гражданина»; а въ риторику и не заглядывалъ».

Приведу изъ этой редакціи еще споръ между свахой и теткой невѣсты о дворянахъ. Невѣста, которая еще не пріобрѣла всей скромности Агаѳьи Тихоновны, уходя одѣваться, говоритъ, что теткѣ лучше и не показываться къ гостямъ: «У васъ на головѣ платокъ — это такъ по-купечески, и вы какъ говорите, открываете ротъ, какъ ворона» (уходитъ). — «Ай да племянница-та! Смотри-тка, тетушку-та ужь съ вороной сравнила! Нѣтъ, моя красавица, и сама я, какъ была въ дѣвкахъ, ужь куды была великатна: бывало, слово скажешь, да языкомъ губку тотчасъ и лизнешь». Послѣ этого и Ѳекла начинаетъ говорить о своей молодости въ довольно странныхъ воспоминаніяхъ: «А и въ правду, Анфиса Карповна, вѣдь въ наше время, ей-Богу, было лучше. Бывало, такая манерная сидишь, такъ вотъ совсѣмъ какъ святая: ни суставчикомъ не шелохнешь... Такой великатесъ! Пойдешь ли, — платье такъ на тебѣ и шумитъ, а мигачи-то, бывало, ножку-то какъ начнутъ подставлять тебѣ, чтобъ уронить тебя, и такъ, бывало, закричишь: «уймитеся, невѣжи, ночные потаскуны! Что вы, такіе и такіе»... Такъ, ей-Богу, совсѣмъ княгиня». Этихъ воспоминаній Ѳеклы вовсе нѣтъ въ окончательной редакціи: тамъ сваха говоритъ о платьѣ, которое шумитъ, и о сходствѣ съ княгиней, но уже при описаніи Подколесину невѣсты. Послѣ этихъ воспоминаній Ѳеклы у нея съ теткой невѣсты завязывается споръ о достоинствѣ дворянина. Начало спора то же, какъ и въ окончательной редакціи; дальше иначе. Сваха говоритъ: «А дворянинъ зарубитъ купца. — А купецъ пойдетъ въ полицію. — А дворянинъ полиціи кукишъ покажетъ. Полиція знай свое дѣло; полиція хватай черный народъ. — А купецъ прямо пожалуется губернахтору. — А дворянинъ-то къ сенахтору. — Врешь, врешь, губернахторъ больше, чѣмъ сенахторъ. Разносилась съ своимъ дворяниномъ! Дворянинъ, дворянинъ! — а только и славно, что имя. Такой же холопъ, только что передъ чернымъ народомъ дуется, а чуть только кто немного починовнѣе его, — знай такъ покланивается, что инда еле шеи не сломитъ... — А купецъ... — Не хочу, не хочу ничего слышать! Купецъ хоть и обманетъ, да себѣ въ прибыль, а дворянинъ что не выподличаетъ, ни себѣ, ни другимъ не достанется, а только растранжиритъ мошенникамъ» (уходитъ). Сваха заканчиваетъ споръ такимъ разсужденіемъ: «Ахъ, Анфиса-то Патрикѣевна какъ вспѣтушила! А по мнѣ всякій человѣкъ чѣмъ не женихъ, былъ бы дороденъ, да къ дѣлу способенъ. Ужь такъ Богъ, то есть, создалъ: ужь коли родился на свѣтъ, то ужь, конечно, на то, чтобы съ него былъ женѣ мужъ». Послѣ этого сваха тоже уходитъ, и являются женихи, первый — Горшокъ; такимъ образомъ здѣсь еще вовсе нѣтъ сцены суеты при неожиданномъ звонкѣ жениха.

Въ этой редакціи Анучкинъ обладаетъ тою же любовью къ французскому языку. Когда онъ высказываетъ опасеніе, что невѣста, должно быть, не знаетъ по-французски, Горшокъ говоритъ: «Я не вижу никакой совершенно въ томъ причины: что вы знаете по-французски, такъ и жена ваша должна знать?» — «Вы думаете, что я знаю по-французски?» — говоритъ Анучкинъ, и дальше идетъ жалоба на отца, который его не выучилъ: «стоило бы посѣчь разъ пять въ день, и я бы зналъ, я бы непремѣнно зналъ». — *Кочкаревъ*: «Но, впрочемъ, вѣдь вы теперь не можете разговаривать съ нею по-французски». — *Анучкинъ*: «Я не могу, но жена другое дѣло: нужно, чтобы она непремѣнно знала по-французски. А безъ этого у ней и то, и это (*показываетъ жестомъ*)... все ужь будетъ не то. Я всегда говорилъ, что пѣхота до тѣхъ поръ не сравняется съ кавалеріей, покамѣстъ офицеры не будутъ знать по-французски»...

Мы видѣли, что Гоголь обѣщалъ «Женитьбу» въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1836 года Щепкину, какъ совсѣмъ готовую и передѣланную вещь; въ маѣ онъ заявилъ Сосницкому, что везетъ комедію съ собой за границу для передѣлки и пришлетъ ее черезъ два мѣсяца. За границей Гоголь, дѣйствительно, принялся за переработку «Женитьбы», но только не такъ скоро, да и отдѣлка шла у него не такъ быстро, какъ онъ предполагалъ. До насъ дошли двѣ римскія редакціи комедіи, которыя представляютъ близкій переходъ къ окончательному тексту. Послѣдній былъ готовъ только въ 1842 г., когда пьеса наконецъ появилась въ печати и на сценѣ. Но даже тогда, когда комедія былъ отослана для напечатанія, Гоголь по своему обыкновенію, работалъ надъ ея текстомъ. Онъ писалъ Прокоповичу, завѣдывавшему изданіемъ: «Въ «Женитьбѣ», я *вспомнилъ*, вбралась важная ошибка, сдѣланная *отчасти* писцомъ: Кочкаревъ говоритъ, что ему плевали нѣсколько разъ, тогда какъ онъ это говоритъ о другомъ. Эта бездѣлица можетъ дать ему совершенно другой характеръ. Монологъ этотъ долженъ начинаться вотъ какъ: «Да что жь за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ» и пр. Гоголь прибавляетъ: «Если ужь набрана и напечатана эта страница, вели перепечатать». Поправка пришла во-время и была внесена въ комедію.

Вотъ вкратцѣ исторія выработки текста комедіи «Женитьба». Взявшись за тему о «Женихахъ», такъ какъ считалъ невозможнымъ провести на сцену серьезную тему и потому отказался отъ задуманной пьесы — «Владиміръ третьей степени», Гоголь долго проработалъ надъ новой комедіей и пока ее окончилъ, успѣлъ выступить съ пьесой болѣе серьезной и широкой по темѣ: въ 1836 г. появился «Ревизоръ».

В. Якушкинъ.